

**«Культурное наследие»: историческая динамика понятия**

В статье сделана попытка проследить зарождение в российской научной литературе и нормативных документах понятия «культурное наследие», охарактеризовать основные этапы его формирования. Этот аспект изучения культурного наследия имеет важное значение для разработки методологии и методики исследования памятников, а также для современной практики и законодательства в этой области.

Понятие *культурное наследие* занимает ключевое положение в современном понятийно-терминологическом аппарате сферы охраны культурного наследия. Оно используется в важнейших международных документах: прежде всего, в Конвенции ЮНЕСКО (1972) и Федеральном законе об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации (2002) [1, с. 86; 2, с. 165]. Содержание понятия охватывает не только уникальные архитектурные и историко-культурные объекты, но и ансамбли, исторические ландшафты, а также традиционные технологии и специфические формы хозяйствования.

Приоритетное значение для определения семантики основных понятий в сфере охраны культурного наследия имеет уровень научных знаний, прежде всего, исторических, становление и развитие археологии как науки о древностях, активизация такой области знаний о памятниках зодчества как архитектурная критика.

Изучение памятников в России прошло путь от процедур их элементарной фиксации в XVIII веке до углубленного «археологического» исследования как исторических источников и оценки как художественного явления на рубеже XIX—XX веков. В последние десятилетия XX в. этот процесс стал частью междисциплинарных изысканий.

В различные исторические периоды исследование памятников имело свои особенности. «Предысторией» сохранения российских древностей принято считать XVIII век. Тогда интерес общества к осмыслению исторического прошлого был стимулирован соответствующей государственной политикой, начатой Петром I. Понятия *старина* или *древность* связывались в российской культуре прежде всего с движимой материальной ценностью вещи и искусностью ее выполнения. При этом исторический возраст вещи далеко не всегда был главным критерием оценки. Как правило, в документах того времени соседствовали два определения — «зело старо» и «необыкновенно». То есть диковинность, отличие от привычных и обыкновенных предметов играли приоритетную роль при определении понятия «древность».

Вместе с тем в XVIII в. начал формироваться научный интерес к древностям как свидетельствам прошлого: российских ученых все более интересовали древние монеты, черепки с надписями. «Недвижимые» постройки — крепости, древние культовые сооружения рассматривались прежде всего с чисто функциональной точки зрения. Неслучайно ремонтно-реставрационные работы таких построек носили сугубо утилитарный характер.

Первая половина XIX века — важнейший этап в изучении памятников старины. В этот период шел процесс становления археологии как науки о древностях. Активизировалось накопление знаний о памятниках, чему немало способствовали указы правительства, изыскания археологов и архитекторов. Содержание понятия *памятник старины* в те годы заметно расширилось: оно охватывало не только античные редкости, монеты или «курганские древности», но и славянские памятники — старопечатные книги и рукописи, кресты и иконы, старинную русскую утварь. Главным критерием оценки памятников старины стала их историческая ценность, т. е. связь с определенными историческими событиями. Такая оценка была перенесена и на памятники зодчества, несмотря на то, что само понятие *памятник зодчества* еще не сложилось. Архитектурные сооружения для исследователя прежде всего источники исторической информации. Знаменательно, что Н.М. Карамзин в своей «Записке о московских достопамятностях» называет Московский Кремль исключительно «местом великих исторических воспоминаний». Объектом особого внимания были историко-мемориальные сооружения, связанные с именами представителей правящей династии (Петровский музей на берегу Плещеева озера; мемориальный музей Александра I в Таганроге; исторические сооружения, связанные с царской династией Романовых).

Определенным итогом научной работы первой половины XIX века, в которой отразились научные представления о памятниках старины, стала «Записка для обозрения русских древностей» И.П. Сахарова, опубликованная в 1851 году. Целью этой записки было «приведение в известность русских древних памятников», «просвещенным» соотечественникам был предложен вопросник для сообщения информации о памятниках старины. По традиции большое место в записке уделялось «историческим воспоминаниям». Внимание адресата обращалось не только на внешний, но и на внутренний облик построек (кладка стен, двери, алтари, иконостасы и пр.). Таким образом, интерпретация понятия «памятник старины» (или «археологический памятник») была существенно расширена.

Особый интерес представляют методические указания для выявления памятников, данные И.П. Сахаровым. Во-первых, хронологическим критерием описываемых объектов

был определен период с IX до конца XVII века. Верхней границей выявляемых объектов признавался XVIII век. Во-вторых, при описании памятников рекомендовалось воспроизводить надписи, имевшиеся на них, очень точно — «буква в букву», с указанием характера письма. В-третьих, при определении «исторической достоверности» памятников старины необходимо было пользоваться церковными или монастырскими книгами, межевými записями, писцовыми книгами. Этот документ отражал новое отношение исследователей к процедурам выявления и описания памятников, которое позволяло получать более глубокие исторически достоверные сведения об объектах.

Наиболее плодотворным в формировании понятийного аппарата охраны культурного наследия стал конец XIX—начало XX вв. В этот период изучение памятников старины в значительной мере базировалось на успехах профессиональной исторической науки, археологии, деятельности многочисленных археологических и архитектурно-художественных обществ. Атрибуция памятников опиралась на более солидную по сравнению с предшествующим временем документальную базу, достоверность стала одним из критериев определения исторической ценности. Важным критерием признавалась принадлежность того или иного памятника к определенной эпохе, наличие в нем характерных для эпохи черт и признаков. Определения «образцовый» или «характерный» были широко распространены в то время. Характерно в этом отношении определение понятия *памятник старины*, данное графом А.С. Уваровым: «...Археологическим памятником признать только тот остаток вещественный, только то письменное известие или устное сведение, которое поясняют нам культурное состояние древнего быта какого-либо народа в известную эпоху» [3, с.33].

Развитие архитектурных знаний, более глубокое изучение памятников средневекового зодчества, сравнение его образцов с западноевропейской архитектурой, начатое в 1830—1840-е годы, позволило архитекторам сформулировать понятие *памятник зодчества*, определить основные методы его оценки. В ряде документов по подготовке специального закона об охране памятников старины было дано определение понятия, в содержание которого включались деревянные и каменные здания, искусственные насыпи — валы, городища, курганы. Археологические памятники при этом не выделялись в особую группу, что свидетельствовало о некоторой размытости границ между археологией и историей архитектуры.

В качестве хронологического критерия определения архитектурного объекта как историко-археологического был обозначен 1725 год. Изучением средневековых памятников занимались Императорская археологическая комиссия и Московское археологическое общество. Вместе с тем в этот период отчетливо проявилась тенденция

расширения границ изучаемых архитектурных объектов. Памятниками XVIII—XIX вв. активно занимались архитектурно-художественные общества. В 1907 г. при Обществе архитекторов-художников была создана специальная комиссия «Борьбы против разрушения архитектурных памятников XVIII—XIX вв.», одной из задач которой стала документальная фиксация старых деревянных построек, предназначенных к сносу, т. е. построек, которые составляли историко-культурную среду города.

Изучение памятников зодчества, оценка их архитектурных особенностей, протекали в обстановке оживленной дискуссии, в центре которой была проблема самобытности русского средневекового зодчества. Основателем теории самобытности русского средневекового зодчества И.Е. Забелиным был сформулирован новый важный критерий оценки памятника зодчества — эстетический. Недостаточно, писал ученый, описать памятник и поставить дату его строительства. Необходимо выяснить развитие «художественных сил народа» и «эстетической стихии его духа», необходимо раскрыть, в чем человек находил красоту, отчего приходил он в эстетический восторг [4, с.67]. Эстетический критерий оценки памятников зодчества подразумевал их эмоциональное восприятие, выявление в них характерных черт эпохи, которые проявлялись в пластике, общем «колорите» сооружений. Памятник переживался как художественное явление.

Таким образом, на рубеже XIX—XX вв. формируется два основных подхода в оценке памятников зодчества — археологический и художественный. Эти два подхода не находились в жесткой конфронтации. Напротив, приверженцы археологического метода, т. е. досконального изучения памятника, нередко обращали внимание и на необходимость его общей художественной оценки. Важно подчеркнуть, что эстетический критерий был неотделим от восприятия памятника в окружающем ландшафте, от цветового решения фасадов.

Так, архитектурные и художественные критики начала XX века выступали за сохранение Петербурга как целостного памятника. Архитектурный критик Г. Лукомский писал о «вандализме современных архитекторов», которые «идут напролом», совершенно не учитывая сложившейся среды города, его ансамблевости. В это время в понятие *памятник зодчества* были включены и усадьбы.

Члены комиссии «Старая Москва» в своих «Правилах» писали, что «памятником следует разуметь не только целые здания, но и разные уголки старой Москвы, живописные дворы, художественно исполненное окно, дверь, карниз, мебель...» [5, с. 281—282]. Очень точно характеризует формировавшийся комплексный подход в оценке памятников зодчества еще одно высказывание. В 1916 г. в Императорскую археологическую комиссию обратилось Новгородское общество любителей древности по

поводу предполагаемого строительства железнодорожного моста недалеко от церкви Спаса на Нередице: «Если этому проекту осуждено осуществиться, то русская земля лишится одного из самых замечательных исторических видов, с которыми могут сравниться только виды с набережной Невы на Зимний дворец.<...> такие исключительные по своей цельности сочетания природы и культуры, которые характеризуют собой целые эпохи в истории, надлежит оберегать, как самые дорогие национальные памятники» [6, с. 336].

Таким образом, в конце XIX — начале XX века понятие «памятник» охватывало не только отдельный объект, но и определенную территорию, историко-культурную среду — будь то живописный уголок города, усадьба, целый город. Иначе говоря, формирование комплексного, ансамблевого определения понятия «памятник» стало одним из условий и важнейших элементов формирования более широкого понятия *культурное наследие*.

Следует отметить, что в начале XX века исследователи использовали несколько обобщающих понятий для изучения историко-культурных объектов, которые отражали различные методы их оценки. Так, понятия «памятники старины», «исторические памятники» отражали приверженность археологическому методу, т. е. связи объектов с историческими событиями. Введение *понятия памятники искусства и старины* было обусловлено распространением художественного метода оценки памятников зодчества.

После Октября 1917 года исследование «памятников искусства и старины» продолжалось, несмотря на жесткий идеологический диктат. Культурные памятники изучались в обстановке активной антирелигиозной пропаганды, когда было уничтожено огромное число церковных построек, сожжено немало икон, расплавлено множество предметов декоративно-прикладного искусства. Вместе с тем один из исследователей церковной архитектуры Л.А. Беляев усматривал в этой драматической ситуации и другую сторону. Церковные древности, по его мнению, выпали из литургического, служебного оборота и стали, как никогда прежде, доступны научному анализу [7, с.464].

Комплексный метод изучения памятников зодчества, с помощью которого памятник изучался в широком контексте социально-исторических проблем (причем, не как единичный объект, а как элемент его исторического окружения), оставался приоритетным и в советский период. Важное методологическое значение для ученых имела статья Н.Б. Бакланова об изучении памятников зодчества во всем многообразии тем и объектов, с ними связанных, — от анализа строительного камня до эпиграфики, живописи, надгробной скульптуры [8, с. 33—40]. В теоретической работе Н.Н. Воронина была сформулирована значимость комплексного метода как основополагающего в

изучении памятников зодчества. Ученый рассматривал архитектурные памятники как культурные тексты эпохи, обладавшие разноплановой информацией — технологической, художественной, а также как элементы социальной топографии города. Углубленное изучение памятников зодчества, по его словам, «...отдельных форм и мотивов в их сочетании позволяет установить внутренние и внешние связи архитектурного творчества данного края и времени, а это проливает свет и на связи его культуры в целом» [9, с.49].

Научные изыскания в сфере охраны культурного наследия советского периода отразились на объеме и содержании понятийного аппарата. Уже в начале 1920-х гг. появляются новые понятия, связанные с бытованием комплексного, ансамблевого метода в изучении и сохранении наследия. Декреты Совета Народных Комиссаров (1921, 1924) вводят такие понятия, как *заповедники и национальные парки, памятники садово-парковой культуры музейно-академического значения, памятники искусства, старины, быта и природы*.

В самом процессе разрастания понятийного аппарата охраны культурного наследия ярко проявлялись элементы идеологического давления на науку и культуру. В официальных инструктивных материалах, публицистических и научных статьях стали часто употребляться понятия *памятники революции, гражданской войны, памятники революционного движения, труда и искусства*. Концепция исторического процесса известного историка 1920-х годов М.Н. Покровского, бесспорно, оказала влияние на направления научных исследований о памятниках и само определение понятия «памятник». Согласно его социологической схеме, памятники рассматривались как «архитектурно-художественные произведения, отображавшие в себе эпоху феодализма, торгового капитализма и развития промышленного капитализма» [10, с.7].

В послевоенные десятилетия в сфере охраны культурного наследия утвердились термины *памятники культуры, памятники истории и культуры*, которые достаточно широко применяются специалистами и сегодня.

Характерной особенностью большинства современных исследований о памятниках является междисциплинарность. Именно междисциплинарный характер изучения памятников создал возможности для системного подхода к определению понятия «наследие». Этот подход положен в основу при разработке ряда региональных программ охраны и использования памятников исторических городов России — Торопца, Переславль—Залесского, Ялutorовска и др. Концептуальной базой этих программ стала система уникальных историко-культурных и природных территорий (единицей охраны, согласно этой концепции, является не памятник и даже не ансамбль, а территория).

Системный подход к изучению культурного наследия характеризует практика «средовой» охраны, которая прежде всего касается решения проблемы соотношения «старого» и «нового» в городской застройке. Появилось понятие *архитектурно-историческая среда*, которое охватывает не только материальные объекты и их пространственные связи, но и поведенческие акты, способы жизнедеятельности человека. Архитектурно-историческая среда представлена как некая целостность, она самоценна, и без ее исследования и учета в новых проектах застройки дальнейшее развитие российских городов может привести к необратимым негативным последствиям.

Системный подход, рассматривающий памятники в историческом или природном контексте, начал реализовываться в ряде исследований, которые выполняются на стыке культурологии, географии и регионалистики (культурная география). Культурная жизнь страны при этом понимается как синтез процессов, каждый из которых формирует уникальный культурный облик различных территорий. Важнейшим понятием культурной географии становится *культурный ландшафт* [11, 12].

Весьма полезными для более широкого осмысления понятия *памятник* представляются предложения, содержащиеся в трудах тартуско-московской семиотической школы, в частности концепция «культурного текста как генератора смыслов». Использование этой концепции позволяет проанализировать понятие «памятник» во всем многообразии его социально-культурных взаимосвязей. Проблема осмысления памятника в семиотическом поле культуры дает безграничные возможности для их изучения, определения их семантики в различных историко-культурных контекстах.

Итак, истоки широко применяемого сегодня понятия *культурное наследие* уходят в XVIII век. В этот период начинает формироваться понятийный аппарат, связанный с изучением российской старины. В XIX—XX вв. расширяется круг изучаемых объектов, качественно меняются методика и методология их исследования. Все это базируется на достижениях исторической науки, археологии, архитектурной критики. Основные понятия, бытовавшие в то время в сфере сохранения наследия — «памятники старины», «памятники искусства и старины», «памятники зодчества», «памятники искусства, старины, быта и природы», «заповедники», «национальные парки» — фактически отражают весь процесс изучения наследия за три века, логически подводя современных российских исследователей к системному понятию «культурное наследие».

Список литературы

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 1972) // Международное право и охрана культурного наследия. Документы, библиография. — Афины, 1997.
2. Федеральный закон об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации // Охрана и использование памятников культуры: Сборник нормативных актов и положений. — М., 2004.
3. Цит. по: *Ардашев Н.Н.* Граф А.С.Уваров как теоретик археологии // Древности: Труды Московского археологического общества. Т.23, вып.1. — М., 1911
4. *Забелин И.Е.* Опыты изучения русских древностей и истории. Ч.2. — М., 1873.
5. *Фролов А.И.* Хранители Московской старины: Алексей и Прасковья Уваровы. — М., 2003.
6. Цит. по кн.: Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / Под ред. А.С. Щенкова. — М., 2002.
7. *Беляев Л.А.* Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. — М., 1998.
8. *Бакланов Н.Б.* Изучение строительной техники как один из способов датировки памятников // Сообщение ГАИМК. — 1938. — № 7—8.
9. *Воронин Н.Н.* Архитектурный памятник как исторический источник: Заметки к постановке вопроса // Советская археология. — 1954. — Вып. 19.
10. *Объедков А.И.* Охрана памятников революционного движения, труда и искусства. — М., 1930.
11. Культурная география / Под ред. Ю.А. Веденина, Р.Ф. Туровского. — М., 2001;
12. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. — М., 1998